

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2024.4.44.9

УДК 316 | ББК 60.54,60.59

© **Шангин Н.В., Солдаткин А.Е., Теодорович М.Л., Патокина Н.Н.**

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МАЛОГО ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ СКУЛШУТИНГА

НИКИТА ВЛАДИМИРОВИЧ ШАНГИН

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: shangin-nv@ranepa.ru
ORCID: [0009-0008-6565-2508](https://orcid.org/0009-0008-6565-2508)

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ СОЛДАТКИН

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: as@fsn.unn.ru
ORCID: [0000-0002-9042-7336](https://orcid.org/0000-0002-9042-7336)

МИХАИЛ ЛЕОНИДОВИЧ ТЕОДОРОВИЧ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: mt231@yandex.ru
ORCID: [0000-0001-8750-9691](https://orcid.org/0000-0001-8750-9691)

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПАТОКИНА

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Российская Федерация
e-mail: natpatok@gmail.com
ORCID: [0009-0002-1742-7732](https://orcid.org/0009-0002-1742-7732)

В статье рассматривается феномен социокультурных оснований девиантного поведения в пространстве малого города в контексте их социального восприятия. В фокусе внимания находятся социокультурные факторы, оказывающие сдерживающее или усиливающее влияние в отношении наиболее негативных девиантных проявлений – агрессивных. Скулишутинг исследован как одно из наиболее выраженных и опасных явлений. На основе анализа существующих дискурсов, обзора зарубежной и отечественной литературы предложено рассмотрение скулишутинга как социальной проблемы, отличающейся социокультурной и территориальной обусловленностью. Профилактика скулишутинга как порождения социокультурной среды конкретного локального сообщества рассматривается в качестве необходимого условия сохранения ресурсов территории и ее развития, решения задачи человекобережения во всем многообразии ее аспектов. Социокультурные основания девиантного поведения исследуются в контексте особенностей функционирования локального сообщества малого города, включая разноуровневый, рентный, неравный доступ к ресурсам и субъективное восприятие людьми территории в целом, способное оказывать влияние на характер ее развития. Целесообразность такого подхода обосновывается более высокой проявленностью и значимостью социокультурных факторов в отношении укореняемости людей на территории происхождения. В статье рассматривается возможность профилактики скулишутинга как формы девиантного поведения через преобразования, направленные на максимально возможное осуществление интересов людей, повышение удовлетворенности всех заинтересованных сторон ситуацией на территории. В качестве механизма реализации указанного подхода предлагается донастройка действующих и перспективных национальных, федеральных, региональных проектов в направлении изменения роли в профилактике девиантного поведения институтов семьи и школы, гармонизации их с локальными социальными и деятельностью ландшафтами. В качестве эмпирической базы исследования использовались данные двух анкетных опросов, проведенных сентябре – декабре 2022 года. Целью исследования стал анализ социальных условий жизни в контексте социокультурных установок, которые могут способствовать скулишутингу.

Девиантное поведение, деятельностный ландшафт, малый город, развитие территории, социальное пространство, скулишутинг, социокультурные и поселенческие основания скулишутинга, социальная и пространственная среда обитания подростков, социальное неравенство.

Введение

Девиантное поведение достаточно многообразно и, по определению, более разнообразно, чем конформное. В силу своей природы девиантное поведение может рассматриваться как выход за некие границы, нарушение «норм» и «правил», которые представляют собой предмет различных «договоренностей» человека и социума, человека и социальных групп, относящихся к различным сторонам социальной жизни и актуальных лишь в тех или иных контекстах – социальных, временных, материальных и т. д. Само же девиантное поведение может нести весьма различное содержание, вплоть до конфликта с естественными интересами индивида, и многообразно

выражать социальное действие, отличаясь и положительным, и негативным влиянием на процессы развития территорий, в том числе в силу возможной взаимной конфликтности самих этих неформализованных «норм» и «договоренностей», предъявляемых человеку со стороны сообществ, к которым он одновременно принадлежит.

В качестве объекта рассмотрения нами выбраны социокультурные основания девиантного поведения в пространстве малого города на примере скулишутинга в силу следующих соображений.

В пределах малого города, отличающегося определенной численностью населения (до 50000 человек), устойчиво существуют локальные сообщества, характеризующиеся вы-

раженными социально-территориальными границами и проявляющимися в их пределах особенностями устройства и функционирования (Плюснин, 2022). В частности, это отражается не только в реципрокности взаимоотношений и взаимодействия людей, но и в локально обусловленном характере их настройки (Куликова и др., 2023).

Характерная для таких сообществ моральная зависимость каждого от всех, взаимное эмоциональное влияние каждого на значительное количество других, значимость жизненных сценариев, траекторий и персонального опыта каждого для сообщества в целом обуславливают высокую проводимость социальной среды локального сообщества для позитивной и, в особенности, для негативной информации, а также высокую склонность, в силу доступности информации (Баева, 2019), к освоению людьми факторов «успеха» и избеганию факторов неуспеха во всем их многообразии – от положительных и негативных девиантных проявлений в личных практиках поведения и бытования до микротерритории проживания.

Наконец, девиантные проявления, воспринимаемые локальным сообществом как негативные, способны препятствовать укоренению будущих взрослых на территории происхождения, а следовательно, и существованию малого города как такового – тем значимее, чем более отрицаемы этикой и моралью в их локальной интерпретации эти проявления. Это накладывает на изначально присущую молодежи малых городов отстраненность по отношению к городу (Маркин, Малышев, 2020), что создает дополнительное напряжение.

Кроме этого, случаи скулшутинга происходят не только в крупных городах, где они мгновенно становятся инфоповодом и информация о них широко расходуется в СМИ, но и в относительно небольших населенных пунктах. Если посмотреть на статистику совершенных и предотвращенных случаев с 2014 по 2020 год (Сундиев, Фролов, 2021, с. 11), то увидим, что количество совершенных и предотвращенных случаев в малых городах (с численностью

населения от 10 до 50 тыс. человек) практически не отличается от количества случаев в городах-миллионниках.

В существующих исследованиях закономерно делается акцент на негативные и деструктивные формы девиантного поведения, рождающего неприемлемые риски для личности и естественных интересов человека. Это позволяет увидеть в девиантном поведении в том числе и социальную проблему. Таким образом, среди оснований девиантного поведения обнаруживается не только свойственная человеку от природы агрессия как таковая, но и социокультурные факторы, призванные как ограничивать агрессивные проявления, но в силу тех или иных причин и обстоятельств не выполняющие эту функцию, так и способные эту агрессию усиливать, направляя и вовне, и внутрь. Взаимодействие факторов не статично и зависимо от подвижных во времени конфигураций локальных особенностей, что придает уникальность в данном отношении ситуациям различных сообществ.

Высшее, по-видимому, проявление агрессии несет в себе феномен скулшутинга (Орлова, 2022), который совмещает обе эти направленности. Таким образом, скулшутинг, т. е. «планирование, организация, совершение вооруженного нападения в/на территории образовательного учреждения (любого уровня) одним или несколькими учащимися с целью массового убийства» (Карпова, Максимова, 2021), может рассматриваться как одна из наиболее выраженных форм девиантного поведения. В связи с этим его изучение раскрывает различные аспекты девиантного поведения, а его рассмотрение как результата сложения факторов, ему благоприятствующих, и не-действия факторов сдерживающих, предупреждающих будет способствовать формированию более широкого взгляда на возможности профилактики и предупреждения данного вида девиантного поведения на социальном уровне.

В контексте широкого научного дискурса феномен скулшутинга как крайней, особенно опасной формы девиантного и делинквентного поведения привлекает все боль-

шее внимание и российских исследователей (Соколов, 2020; Гусев, 2022).

Можно выделить следующие дискурсы, в рамках которых рассматриваются эти явления: медико-психиатрический, психологический, юридическо-криминалистический, культурологический и социологический. Для каждого дискурса характерна фокусировка на своих специфических причинах и факторах, которые, по мнению исследователей, влияют на совершение действия (Берарди, 2016; Лангман, 2022).

Социологический дискурс основной акцент делает на составлении социального портрета стрелка и социальном контексте формирования ситуации, приведшей к преступлению. Подразумевается, что в рамках социальной среды индивид обретает определенные установки, которые впоследствии могут реализоваться в конкретном действии. Социальная среда и социальные связи могут способствовать появлению, усилению или ослаблению установок. Квалифицированная диагностика и помощь психологического или психиатрического характера не всегда доступны выходцам из менее обеспеченных слоев (Завьялова, Лункашу, 2021), а жертвами школьной травли, которая является общепризнанным фактором формирования установок на совершение данных действий, часто становятся дети из бедных семей или мигрантов (Судьин, Карасев, 2023). Отметим, что при этом дифференцирующее влияние фактора территориальной специфики до настоящего времени оставалось за пределами внимания исследователей-социологов.

Статья Д. Давыдова и К. Хломова представляет собой прекрасный обзор широкого круга зарубежных исследований, касающихся подходов и теорий феномена скулшутинга, выполненный в основном на американском материале (Давыдов, Хломов, 2018). Хотя авторы и ставят целью «выделение социально-психологических условий и личностных особенностей» (Давыдов, Хломов, 2018, с. 64) скулшутеров, а не социокультурной специфики, статья дает богатый материал для анализа. Интересно авторское сравнение практических подходов к предот-

вращению скулшутинга в США и Европе. Если в США предотвращением подобного рода преступлений занимаются в основном полицейские структуры и спецслужбы, то в Европе акцент делается на социальные службы.

Авторы отмечают: в ряде зарубежных источников содержится критика того, что зачастую эпизоды скулшутинга описываются и анализируются как отдельные явления. Соглашаясь с такой критикой, они сами закономерно стремятся к цельному и системному восприятию, выделяют признаки, типичные для скулшутинга: одномоментность и несерьезность, все совершается как одна акция; отсутствие строгой целенаправленности причинения вреда, преступник атакует жертв, которые изначально не входили в список его целей, даже если этот список существовал; насилие имеет символический, коммуникативный и даже ритуальный характер (Давыдов, Хломов, 2018, с. 64–65).

В. Плотников и С. Самойлов, сделав в 2021 году обзор отечественных публикаций, относящихся к проблематике скулшутинга, пришли к двум выводам: во-первых, по большей части проблема затрагивается в публикациях лишь контекстуально, «из более чем ста публикаций на деле проблемам скулшутинга и колумбайна посвящены лишь шестнадцать» (Плотников, Самойлов 2021, с. 166), во-вторых, с учетом важности проблемы даже более, чем ста, недостаточно.

Мы ставим цель подойти к проблеме скулшутинга с более широких позиций, учитывающих социокультурный и поселенческий контексты. Стоит отметить, что, несмотря на то, что в зарубежной социологической теории достаточно давно был сформулирован социально-географический подход (Stark, 1987) и сейчас на основе применения больших данных и геолокации он получает новый импульс к развитию (Park et al., 2024), в российской традиции связь девиантного поведения с социально-географическими аспектами, в том числе с ситуацией в населенном пункте в целом, должным образом не изучена. В связи с этим одной из задач нашего исследования явилось рассмотре-

ние скулшутинга (по существу, финального этапа развития процесса отрицания тех или иных сторон повседневной жизни до тотального отрицания жизни как таковой) в контексте особенностей социокультурной организации среды обитания подростков. Скулшутинг воспринимается нами, в том числе, и как территориально обусловленное явление, осознание источников, мер преодоления и профилактики которого важно и необходимо также в контексте задачи человекосбережения, в отношении сохранения ресурсов и повышения потенциала развития территории.

Систематическое осмысление пространства с собственно социологических позиций началось сравнительно недавно, хотя мы можем найти работы, которые затрагивают этот феномен, например у Г. Зиммеля (обзор теоретических подходов к осмыслению пространства можно найти в (Филиппов, 2008)). Для нас наиболее перспективным представляется подход П. Бурдьё (Бурдьё, 2007), в котором социальное пространство оказывается вписано в физическое пространство как в объективные пространственные структуры, но также и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур. Малый город, исследуемый с этой точки зрения, становится местом приложения осознанных и неосознанных усилий различных акторов, направленных на формирование определенного социального ландшафта и его зонирование, он обнаруживает в своей структуре благополучные и неблагополучные зоны, при этом сама территория в целом воспринимается теми, кто осуществляет усилия, а также внешними наблюдателями, как определенная зона (не)благополучия. Это формирование сталкивается с воззрениями людей, там проживающих, порождая определенное взаимовлияние представлений. В итоге формируются зоны, которые начинают классифицироваться тем или иным образом практически всеми группами, которые связаны с этой территорией. Эти классификации в свою очередь начинают обладать собственной силой и жизнью, что

приводит к устойчивости не только представлений о ситуации, но и ситуации в зоне как таковой, происходит формирование габитуса жителей, который одновременно позволяет лучше адаптироваться к этой ситуации, но также консервирует ее.

В рамках общего географического пространства формируются неравенства, но и в специфических зонах происходят те же самые процессы, реплицируя общую ситуацию на локальный уровень. Социальное пространство как пространство неравенства в различных аспектах стремится к наиболее полному воплощению в физическом пространстве. У этого процесса есть различные интересные стороны, которые обладают различными возможностями для сохранения или изменения ситуации. В итоге любая конкретная ситуация на территории становится не только продуктом прошлой борьбы за поддержание сложившегося положения, но и объектом активных действий по ее сохранению, по консервации результатов борьбы. Это позволяет говорить, что преобразования территорий и изменение ситуации возможны, но необходимы усилия, направленные на гармонизацию интересов акторов и объектов перемен, повышение удовлетворенности заинтересованных и/или целевых социальных групп, подкрепленные не только политическими и экономическими ресурсами, но и символическими.

Еще один важный аспект состоит в том, что в рамках территории проживают представители различных групп, которые располагают отличающимися уровнями доступа к возможностям, наличествующими в ее пределах. Доступ к тем или иным ресурсам территории регулируется через сложную систему правил, правовых, социальных, политических, экономических и символических классификаций и соответствующих им статусов, регулирующих взаимодействие, прямое и косвенное, различных групп на территории через цепочку (сеть) взаимодействий, каждое из которых может быть связано с взиманием «платы» за участие в трансляции ресурсов. Все это обуславливает специфику социального пространства и режим его

функционирования, который находится не в абстрактном поле взаимодействия классов или групп, а локализуется в конкретной территории, что подводит нас к теории структуры Э. Гидденса (Гидденс, 2005), представляющей плодотворной для дальнейшего анализа.

В рамках теории структуризации, отталкиваясь от концепции временной географии Хагерстранда (Гидденс, 2005, с. 175–186), выделяются пределы, ограничивающие человеческую деятельность во времени и пространстве. Рутинные действия протекают в конкретном пространстве и имеют объективные пространственные и временные ограничения (как в рамках конкретной деятельности, так и в рамках жизни индивида в целом). Рутинные взаимодействия происходят в рамках реализации жизненных целей и планов индивидов, что приводит к тому, что в ряде случаев они направлены на преодоление этих ограничений. Конкретные ситуации конкретных индивидов, которые обусловлены как классовыми возможностями доступа к тем или иным ресурсам, так и объективными характеристиками этих ограничений, формируют жизненные стратегии, которые включают в себя и встраивание в социокультурный ландшафт, и подстройку под ситуацию, и попытки изменить эту ситуацию путем перемещения на те или иные позиции как в социальном, так и в географическом пространстве. В последнем случае изменение ситуации влечет за собой возникновение некоей турбулентности, которая также будет так или иначе преодолевать, но уже на новом уровне равновесия. Преодоление трудностей носит как адаптивный, так и креативный характер, за счет этого происходит социальная динамика или, напротив, консервирование ситуации. При этом перемещение в пространстве в современных малых городах характеризуется не как линейное, но как обладающее характеристикой «возвращения», т. е. можно выделить локализованные опорные точки, в рамках которых происходит большинство рутинных действий и взаимодействий (например, для школьников такими точками будут

дом и школа), и, возможно, иногда «третье место» (Ольденбург, 2014). Такие точки обладают устойчивой специфической регламентацией действий и взаимодействий как на формальном, так и на неформальном уровне. В итоге мы можем предположить, что они оказывают наибольшее влияние на восприятие территории более высокого порядка, в которой расположены эти точки, так как основное пребывание в регионе как во временном, так и в пространственном отношении в той или иной мере сводится к ним. Восприятие региона через эти точки усиливается, если они функционируют в режимах, обладающих определенным сходством, обусловленным как территориальной, так и социальной близостью, в отношении действующих индивидов (например, одно и то же окружение в школе и дворе).

В рамках этих подходов мы можем описать пространственную специфику малых городов. Малые города являются продуктами предшествующего развития и результатом не только экономического и политического целеполагания и воздействия, но и социальных и символических классификаций. В результате этого формируется и развивается не только система природных и антропогенных ландшафтов, но и виртуальных (экономического, социокультурного (Плюснин, 2022), деятельностного (Патокина, 2024)), и образ пространства проживания в целом. Формируются также его особенные зоны, обладающие собственной социальной спецификой, которая подавляет остальные проявления социального, если они входят в диссонанс с ней, или встраивает в себя, капсулирует на правах исключений. Тем самым воспроизводятся неравенства, которые характеризуют и отличают данную территорию. Неравенства не являются неизбежными и вечными; широкий социальный контекст существования обеспечивает им внутреннюю логику развития, вынуждая к нему, и определенную устойчивость и инерционность реагирования на попытки изменения. При этом территории (как на уровне малого города в целом, так и на уровне отдельных его районов) имеют тенденцию к

концентрации вокруг опорных точек наиболее интенсивных взаимодействий, которые становятся символами территорий в глазах участников взаимодействий. Пребывание на той или иной территории сопряжено с определенными «трением», преодолением сложностей и препятствий, специфика которых определяется как объективными характеристиками территории, так и возможностями индивида, обычно связанными с принадлежностью к тому или иному классу, символическому сословию и уровнем доступа в качестве потребителя или взимателя ренты за доступ к тем или иным ресурсам. Преодоление сложностей носит адаптивный (в случае идентификации сложностей и препятствий как непреобразуемых) или креативный характер (в случае их восприятия как поддающихся изменениям). Все это создает контекст субъективного восприятия территории, которая может восприниматься как (не)благополучная и (бес)перспективная. В результате, исходя из своих жизненных целей и восприятия территории индивид будет принимать конкретные решения о собственных действиях в сложившейся ситуации. Малые города обладают особым ритмом жизни, особым объемом ресурсов, особым способом распределения ресурсов, в частности в силу развитости реципрокных отношений, существенно определяющих жизнь людей в городах, представляющих собой в отношении социальной организации сложившееся локальное сообщество (в возрастной группе тинэйджеров этому способствуют подростковый максимализм и категоричность). Опорные точки взаимодействий оказываются менее дифференцированными в плане социального измерения, что усиленно формирует отношение к пространству проживания в целом. А отношение к нему усиливает восприятие опорных точек, чем формируется устойчивая самовоспроизводящаяся установка.

Мы исходим из того, что при определенном сочетании факторов различные составляющие неблагополучия начинают подпитывать и усиливать друг друга. Изложенное приводит нас к заключению о том, что осо-

бенности социального и деятельностного ландшафта и устройства пространства малого города способствуют такому процессу тем значительнее, чем меньше количество людей, образующих его социальную среду. Виртуальные пространства социализации подростков в малом городе, в частности семья, школа, неформальное общение со сверстниками, пересекаются, замкнуты в одном физическом пространстве, что лишает будущего взрослого приватности и возможности уединения. Никакие его социальные взаимодействия, в отличие от условий мегаполиса, крупного города, не остаются вне поля зрения одного и того же социального окружения. Дополнительным фактором усиления и накопления напряжения выступает отсутствие разнообразия сфер и мест (что является спецификой большинства малых городов), а зачастую и просто их отсутствие, в которых порождается социально-психологическое напряжение могло бы находить выход.

Эмпирическую базу нашего исследования составляют данные двух анкетных опросов, проведенных в сентябре – декабре 2022 года:

1) опрос 972 учащихся 8–11 классов школ городов Нижегородской области (Дзержинск, Семенов, Заволжье, Городец, Княгинино, Кулебаки, Лысково, Шахунья, Чкаловск, Починки);

2) опрос 609 учащихся 9–11 классов школ Городецкого муниципального округа Нижегородской области, его основу составили данные по малым городам Городец и Заволжье.

Перечисленные выше города, включая Городец и Заволжье, хотя и несколько отличаются по экономическому профилю, являются малыми по показателям численности населения, их объединяет длительность обладания статусом города и, в силу удаленности от областного центра, малая подверженность его влиянию в отношении устройства социальной жизни, они представляют собой характерные примеры устойчиво существующих локальных сообществ (Плюснин, 2022).

Территории, в которых проведены исследования, являются малыми городами по

своим демографическим характеристикам, административному статусу и иным факторам. При этом школы, например, в поселениях Городецкого муниципального округа отличаются малокомплектностью в целом и, в особенности, малым наполнением 9-х классов (там, где такие классы есть). Два анкетных опроса, проведенные в указанных малых городах, отличаются своими целями, при этом схожие блоки вопросов, относящихся к предмету настоящего исследования, позволили объединить полученные результаты.

Цель исследования заключается в анализе социальных условий жизни в контексте социокультурных установок, которые могут способствовать скулшутингу. В рамках статьи мы рассмотрим данные о восприятии школьниками ситуации в семье, школе, «третьем месте» (Ольденбург, 2014), представленном наиболее часто кружками или секциями, и городе в целом. Рассматриваемые три пространства пребывания подростков – это семья, школа, «город» как таковой, которые способны породить риски девиантного поведения, а не только риски вооруженных нападений, которые представляются предметом иного, не социологического знания. Исследуется восприятие подростками указанных пространств с целью выявления факторов, предрасполагающих к девиантному поведению, вплоть до крайнего его проявления – скулшутинга. Таким образом, исследуется наличие факторов, порождающих напряжение у подростков, и их источники. Несомненно, важны и разработка структуры, определение относительной значимости факторов – эти задачи планируется решить в последующих публикациях авторов.

Результаты

Мировосприятие школьников из городов Нижегородской области во второй половине 2022 года отличалось некоторой неуверенностью, треть из них фиксировали изменения в своей жизни, но не могли определить, к лучшему они или к худшему. Еще около 10% свидетельствовали об однозначно негативных переменах. При этом чуть более 40%

говорили о позитивных изменениях, еще 16% отмечали отсутствие перемен.

В то же время ожидания школьников от будущего окрашены противоречиво: почти равные доли (27 и 28% соответственно) опрошенных смотрели в будущее с тревогой и страхом, с уверенностью и оптимизмом. Более трети школьников, однако, охарактеризовали свое восприятие будущего как спокойное, без иллюзий и страха.

Таблица 1. Жизненные приоритеты школьников, % от числа опрошенных

Приоритет	%
Моя семья (мои родители, близкие)	81
Получать хорошие оценки, хорошо сдать ОГЭ/ЕГЭ	69
Друзья, которым я могу доверять	63
Понять себя, чего хочу в жизни	56
Достижения в том, чем я занимаюсь (спорте, творчестве и т. д.)	49
Заработать много денег	47
Встретить свою любовь / быть любимым	39
Не быть одиноким	39
Принадлежать к компании, которая для меня важна	18
Быть особенным, не таким, как все	12
Быть/стать лидером	11
Чтобы все оставили меня в покое	7
Быть популярным	6
Нет ничего важного, все бессмысленно	2
Другое	4

Источник: ответы на вопрос «Что для Вас сейчас самое важное в жизни?», множественные ответы.

Жизненные приоритеты и цели большинства школьников ожидаемо располагаются в пределах рутинной модели социализации (табл. 1). Первые места здесь заняты семьей и учебой, а также ближайшим социальным окружением, друзьями. Для половины школьников важными начинают становиться вопросы самореализации, поиска своего места в жизни, обретения партнера. О лидерских амбициях заявляет десятая часть школьников, чуть большая доля претендует на то, чтобы стать особенным, не таким, как все. Потенциально тревожными в плане социальных оснований скулшутинга видятся установки 6–7% учеников, которые высказывают противоположные

позиции: желание быть популярным и желание, чтобы все отстали. Подчеркнем, однако, что это лишь потенциальные основания, которые, как подтверждают многочисленные исследования, не обязательно реализуются (см., например, Шангин и др., 2024).

Жизненные цели большинства школьников носят вполне просоциальный характер, лидирующие позиции среди них занимает набор установок, связанный с образованием, семьей и работой (табл. 2). Для более чем 40% учеников важно в будущем быть полезным людям. При этом для приблизительно 10% школьников важной целью в жизни видится прославиться, доказать окружающим, что они были неправы по отношению к ним. Такая же доля школьников, однако, заранее пессимистична относительно своих шансов и отмечает, что «ничего не получается», 3% опустили руки и признают, что в этом мире добиться ничего невозможно.

Таблица 2. Жизненные цели школьников, % от числа опрошенных

Цель	%
Заниматься любимым/интересным делом	75
Стать образованным человеком	69
Создать хорошую семью	67
Стать богатым человеком	58
Помогать людям, быть полезным им	41
Стать настоящим защитником семьи, родины	22
Хочу добиться справедливости – чтобы каждый получил по заслугам	21
Чтобы обо мне узнали все	10
Доказать всем, что они неправы по отношению ко мне	10
Многого хочу, но ничего не получается	10
Быть популярным в своем окружении	8
Невозможно ничего добиться в этом мире, не жду ничего хорошего от жизни	3
Ничего не хочу добиваться, хочу, чтобы меня оставили в покое	2
Другое	3

Источник: ответы на вопрос «Чего Вы хотите добиться в жизни?», множественные ответы.

Семья продолжает играть главенствующую роль в социализации подростков, родители и родственники занимают ведущее место среди их авторитетов (табл. 3).

Таблица 3. Авторитеты для школьников, % от числа опрошенных

Авторитет	%
Родители, родственники	67
Известные личности	34
Я сам	2
Учителя, тренеры	29
Друзья, знакомые по кружкам, секциям и т. п.	20
Другие старшие	12
Выдуманные персонажи	12
Нет таких	9

Источник: ответы на вопрос «Есть ли кто-то, кто для Вас является авторитетом?», множественные ответы.

Любопытно, однако, что за пределами семьи позиция авторитета не переходит к близкому социальному окружению (учителям, тренерам, друзьям) – их опережают, пусть ненамного, известные личности и сами подростки, которые в трети случаев утверждают, что являются сами для себя авторитетами. Для приблизительно десятой части школьников авторитетами выступают другие старшие и выдуманные персонажи, почти столько же отмечают, что авторитетов для них нет.

Более половины школьников отмечают, что обстановка в их семье основывается на любви и уважении, при этом, однако, для 15% конфликты в семье не редкость (табл. 4). В 10–20% случаев подростки видят причину конфликтов в нарушении своих границ, психологических («родственники вмешиваются не в свое дело») либо физических («нет возможно-

Таблица 4. Причины конфликтов в семье, % от числа опрошенных

Причина	%
Разные взгляды на жизнь	46
Просто есть скандальные люди	21
Родственники вмешиваются не в свои дела	18
Нет возможности побыть в одиночестве	9
Кто-то употребляет алкоголь или наркотики	6
Есть финансовые затруднения	6
Слишком много людей живет в одном помещении	5
Думал над этим, но так и не решил почему	7
Никогда не задумывался над этим	12
Другое	8

Источник: ответы на вопрос «Если происходят конфликты, то чаще всего они происходят из-за того, что...», множественные ответы.

**Таблица 5. Основной круг общения,
% от числа опрошенных**

Круг общения	%
Друзья	87
Одноклассники	63
Родственники	53
Люди, с которыми знакомы только в интернете (социальные сети, форумы и др. онлайн-общение)	23
Люди, которые гораздо старше	18
Предпочтение одиночества	8
Источник: ответы на вопрос «С кем Вы в основном общаетесь?», множественные ответы.	

сти побывать в одиночестве»). Приблизительно в 5% случаев конфликты соседствуют с выраженным социальным неблагополучием: бедностью, зависимостью от алкоголя или наркотиков, перенаселенностью.

Несмотря на то, что родственники остаются главными агентами социализации и авторитетами для школьников, повседневное общение подростков протекает главным образом в кругу сверстников, родственники лишь на третьем месте. Интернет при этом дал новые возможности для онлайн-общения не только с теми, кто находится далеко территориально, но и с теми, с кем разделяет возрастная дистанция (табл. 5). Приблизительно десятая часть школьников, однако, предпочитает одиночество.

Общение с одноклассниками, по оценкам школьников из Нижегородской области, складывается по большей части доброжелательно или нормально (в 3/4 случаев), еще 15% говорят, что общаются с одноклассниками только в рамках необходимости (табл. 6). Выраженное неблагополучие в общении наблюдается лишь в 1–2% случаев, это та ситуация, когда методы опросной социологии не могут принести большой пользы и упор должен быть сделан на социально-психологические и педагогические методы исследования в конкретных ситуациях.

«Третьим местом» в терминологии Р. Ольденбурга для школьников могут выступать кружки и спортивные секции. Именно спортивные занятия и, на втором месте, подготовка к экзаменам формируют основной поток посещающих внешкольные

**Таблица 6. Оценка общения с одноклассниками,
% от числа опрошенных**

Оценка общения	%
Доброжелательное, но бывают небольшие ссоры или недопонимание	62
Общаюсь только в рамках необходимого	15
Конфликты не редкость, но в целом нормально общаемся	12
Нет общения, мне это не нужно	2
Нет общения, не получается завязать отношения	1
Презираю, ненавижу их / они меня презирают, ненавидят	1
Я им завидую / они мне завидуют	0,1
Снисходительно, они мне не равня	0,4
Другое	4
Нет ответа	4
Источник: ответы на вопрос «Если говорить об общении с одноклассниками, то как бы Вы их описали?», множественные ответы.	

**Таблица 7. Посещение кружков и секций,
% от числа опрошенных**

Кружки и секции	%
Спортивные	42
Подготовка к ОГЭ, ЕГЭ	39
Творческие, театральные, художественные	14
Музыкальные	11
Самооборона	7
Языковые занятия	7
Программирование, робототехника	6
Подготовка к профессии	4
Развивающие	3
Автомобильные, в том числе автошкола, технические	3
Предпринимательство	2
Не хожу	21
Другое	6
Источник: ответы на вопрос «Ходите ли Вы в какие-либо кружки или секции?», множественные ответы.	

учреждения дополнительного образования приблизительно в 40% случаев (табл. 7). Более специализированные и утонченные занятия (музыка, творчество, языки, самооборона) встречаются реже, приблизительно в 10% случаев.

Общение с товарищами по кружку или секции протекает, по свидетельствам школьников, даже несколько более благоприятно, чем с одноклассниками. Здесь реже происходят конфликты, несколько чаще общение отсутствует или осуществляется лишь в рамках необходимости (табл. 8).

Таблица 8. Оценка общения с товарищами по кружку или секции, % от числа опрошенных

Оценка общения	%
Доброжелательное, но бывают небольшие ссоры или недопонимание	63
Общаюсь только в рамках необходимого	14
Конфликты не редкость, но в целом нормально общаемся	6
Нет общения, не получается завязать отношения	2
Я им завидую / они мне завидуют	1
Снисходительно, они мне не равня	0,3
Презираю, ненавижу их / они меня презирают, ненавидят	0,4
Нет общения, мне это не нужно	7
Другое	8

Источник: ответы на вопрос «Если говорить об общении с теми, кто вместе с Вами посещает кружок или секцию, то как бы Вы их описали?».

Наконец, характеристика города задает наиболее широкий контекст восприятия ситуации вооруженного школьного насилия. Прежде всего школьники выражают несогласие с наиболее острыми негативными характеристиками города. Они чаще не соглашаются, чем соглашаются, с тем, что город не приспособлен для жизни, неприветлив к тем, кто не похож на других, что жилье в нем уродливо и некомфортно, в городе

есть опасные районы. Уровень преступности школьники оценивают скорее как невысокий. В целом почти половина школьников не поддерживает утверждение о том, что хотели бы уехать из своего города и никогда не возвращаться, согласны с этим только 23% учеников. Однако это доля уже определившихся в стратегии в отношении места дальнейшего проживания. Если принять во внимание количество согласных с утверждениями, высокоотрицательно оценивающими город (пп. 4, 14, 15 в табл. 9), то доля подростков, которые с высокой вероятностью могут присоединиться к стратегии исхода, оказывается значительной.

Вместе с тем, когда речь заходит не о наиболее острых проблемах, но о минимальных условиях социального комфорта для подростков, в их ответах чаще заметна неудовлетворенность. С одной стороны, они чаще считают свой город благоустроенным, чем нет, но при этом чаще не соглашаются с тем, что в городе всегда можно найти интересное место, чтобы сходить туда с друзьями, чаще не припоминают в городе мест, где можно уединиться.

В городе, по мнению большинства молодежи, мало работы и низкие зарплаты, мало

Таблица 9. Оценка ситуации в городе, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Совсем не согласны (1)	2	3	4	Полностью согласны (5)	Затруднились ответить
1. В нашем городе живут хорошие люди	6	15	33	23	12	10
2. В нашем городе хорошая экология (воздух, вода, много зелени)	11	19	30	20	14	7
3. Наш город можно назвать благополучным	8	17	30	22	12	12
4. Если ты чем-то выделяешься, то лучше жить в другом городе	42	16	12	8	9	13
5. Наш город не приспособлен для жизни	55	15	13	5	4	8
6. Преступность в нашем городе невысокая	8	10	13	21	33	16
7. В нашем городе есть районы, куда лучше не ходить	31	18	14	10	15	13
8. Наш город хорошо благоустроен	8	13	33	20	6	9
9. В нашем городе всегда можно найти интересное место, куда можно сходить с друзьями	24	19	20	12	19	6
10. В нашем городе много мест, где можно уединиться	20	18	21	11	17	13
11. В нашем городе много алкоголиков и наркоманов	16	23	22	14	10	17
12. Я бы хотел уехать из своего города и никогда не возвращаться	26	22	20	10	13	10
13. В нашем городе мало возможностей для развития	11	10	23	16	29	11
14. В нашем городе мало работы / маленькие зарплаты	5	10	24	20	28	13
15. Дома в нашем районе давно пора снести и на их месте построить нормальное жилье	27	25	19	8	9	13
16. Культурный отдых в нашем городе развит недостаточно	11	15	20	18	23	14

Источник: ответы на вопрос «Отметьте степень своего согласия с представленными утверждениями...».

возможностей как для культурных развлечений, так и для развития. Это относительно благоустроенное, но скучноватое место без особых перспектив.

Отношение к городу показывает амбивалентность его образа в глазах школьников. С одной стороны, к нему есть некоторая привязанность, но при этом признается определенная бесперспективность пребывания там. Такое амбивалентное отношение способствует тому, что молодые люди хотят уехать, но не хотят уезжать насовсем, поэтому предпочтение отдается относительно близко расположенным городам. Само по себе такое отношение является источником напряжения, которое может разряжаться самыми разнообразными способами.

Наконец, рассмотрим отношение школьников из городов Нижегородской области к оружию (табл. 10). В целом они предпочитают от оружия дистанцироваться, наиболее популярное мнение состоит в том, что оружие должно быть только у полиции и военных. Оружие – зло и опасность (с этим

согласны 30% учеников), во всяком случае большая ответственность (46%).

С другой стороны, про-оружейная мотивация может основываться на том, что оружие может быть необходимо для защиты себя и близких от опасности (с этим согласны 39% учеников). Однако с тем, что такая защита надежна, что оружие гарантирует безопасность или может помочь наказать зло, согласны около 15% школьников, а с тем, что оружие может помочь восстановить справедливость, – только 7%.

В контексте скулшутинга наиболее важны утверждения о том, что оружие дает власть над другими и делает любого сильным. Распространенность согласия с этими утверждениями – на уровне 10–15%.

В итоге мы видим, что жизнь подростка в малом городе характеризуется определенным напряжением во всех выделенных нами сферах. Неблагополучие в какой-либо из сфер демонстрируют от 5 до 20% школьников. Подобное напряжение требует разрядки, способ которой будет зависеть от конкретного индивида, его склонностей и его личного места в социуме. Стоит отметить, что реальные проблемы начинаются тогда, когда эти напряжения начинают накладываться друг на друга, усиливать друг друга, влияя уже и на поведение подростка. Отношение к оружию может сместить поведенческую траекторию индивида в сторону опасных решений и действий, которые включают в себя скулшутинг, и мы видим, что часть учеников демонстрируют ответы, которые могут свидетельствовать о склонности к подобному решению. Социальное устройство мегаполиса, что многократно обосновано исследователями, предоставляет возможности приватности, избегания нежелаемых контактов и взаимодействий, в то время как в малом городе человек всегда на виду и практически не располагает возможностью приватного проживания. Более того, доступное в мегаполисе «одиночество в толпе», формы и возможности активного отдыха и развлечений – своего рода клапан для выхода напряжения, отсутствующий в малом городе. В связи с этим малые города

Таблица 10. Отношение к оружию, % от числа опрошенных

Вариант ответа	%
Оружие должно быть только у военнослужащих и полиции	47
Обладание оружием – большая ответственность	46
Оружие необходимо только для защиты себя и близких от опасности	39
Оружие – это зло, опасность	30
Оружие необходимо только для охоты	28
Информация в Интернете позволяет любому сделать оружие	15
Оружие гарантирует безопасность	15
Оружие может помочь наказать зло	14
Оружие дает власть над другими людьми	13
Оружие – это бизнес	10
Каждый человек имеет право владеть оружием	9
Оружие притягивает, потому что делает любого сильным	9
Оружием можно любоваться	9
Оружие может помочь в восстановлении справедливости	7
Оружие – это предмет гордости и восхищения	2
Оружие делает тебя особенным	2

Источник: ответы на вопрос «С каким утверждением Вы согласны в наибольшей степени?», множественные ответы.

отличаются структурой и тотальностью источников напряжения у подростков и отсутствием пространства для релаксации.

Заключение

Таким образом, проблема социокультурных оснований девиантного поведения в его наиболее выраженной форме скулшутинга более чем актуальна, носит не только научный, но и очевидный прикладной характер. Массовость и устойчивость состояния напряжения оказываются, по-видимому, в числе центральных факторов, определяющих приверженность будущих взрослых жителей территории происхождения либо отрицание ее как места уже «взрослого» укоренения. Выявленная дифференцированность и определенная конфликтность социокультурных пространств, функционирующих в пределах территории, обуславливают необходимость соответствующей дифференциации, донстройки федеральных, региональных программ и проектов развития в интересах продвижения к решению задачи народосбережения путем включения в них положений по детализации и адаптации и индикаторов реализации, и методов достижения целей применительно к локальным условиям административно-территориального образования. Актуальным представляется поиск форм их реализации на локальной территории, гибких в отношении интеграции интересов и видения будущего, относящихся к указанным социокультурным пространствам, в первую очередь картины мира подростковой и молодежной среды. Не менее важно создание технологических решений (нейросетевые, искусственный интеллект), способных поддержать модернизацию соответствующих управленческих механизмов в отношении способности различать и учитывать локальные социальные факторы развития, в том числе способствующие и противодействующие девиантным проявлениям.

Если говорить о перспективах исследований в данном направлении, то важно выяснить, каким образом взаимодействуют между собой напряжения в различных сферах и каким образом, через какие институты и управленческие системы можно работать с ними. В случае малых городов это в первую очередь, по нашему мнению, семьи и учителя – к ним в большей степени прислушиваются школьники, и именно к семье и школе относятся наиболее выраженные негативные оценки подростками своей ситуации. Вместе с тем учителя уже достаточно загружены различной работой, не связанной непосредственно со взаимодействием с учениками и отчуждающей от них, успешное исполнение которой при этом напрямую связывается с общей оценкой их работы, что мало способствует личным инициативам принятия еще и этого тяжелого эмоционального труда. На наш взгляд, полученные данные представляют достаточно большое значение для актуализации подходов по развитию школьного образования на местном уровне. В связи с этим видится необходимым и углубление работы, и расширение географии исследований. Располагаемые результаты показали, что ответы респондентов из малых городов отличаются от ответов жителей мегаполиса (хотя и существует много точек пересечения), и эти различия могут быть объяснены (и далее осознаны в контексте управленческих решений) лишь через социокультурные аспекты, специфичные для устройства жизни в малых городах. Также необходимы более глубокие исследования, в том числе с применением качественных методов, по выявлению напряжений, способных приводить к крайним девиантным проявлениям, если с ними не работать. Это позволит создать более объемную картину жизни подростков в малых городах и приблизиться к определению подходов по осознанному воздействию на их социокультурные основания.

ЛИТЕРАТУРА

Баева Л.В. (2019). «Группы смерти» и «колумбайн-сообщества» в онлайн-культуре и реальном социуме // Информационное общество. № 3. С. 33–42.

- Берарди Ф. (2016). Новые герои. Массовые убийцы и самоубийцы. Москва: Кучково поле. 320 с.
- Бурдые П. (2007). Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства / пер. с фр. под общ. ред. Н.А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя. С. 49–63.
- Гидденс Э. (2005). Устройство общества: очерк теории структуриации. Москва: Академический проект. 528 с.
- Гусев С.Н. (2022). Детерминанты совершения актов скулшутинга // Вестник Волгоградской академии МВД России. Т. 62. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-soversheniya-aktov-skulshutinga> (дата обращения 02.11.2023).
- Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. (2018). Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. № 4. С. 62–76.
- Завьялова Н.Ю., Лункашу Ю.В. (2021). Скулшутинг как нравственная и юридическая проблема в российском обществе // Общество и право. Т. 77. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skulshuting-kak-nravstvennaya-i-yuridicheskaya-problema-v-rossiyskom-obschestve> (дата обращения 28.06.2024).
- Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. (2021). Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. № 1. С. 93–108.
- Куликова А.В., Михайлова В.В., Клемянич Ю.Ю., Теодорович М.Л. (2023). Особенности занятости населения в моногороде на примере города Павлово Нижегородской области // Народонаселение. Т. 26. № 2. С. 78–90.
- Лангман П. (2022). Почему дети убивают: что происходит в голове у школьного стрелка / пер. с англ. С.А. Карпова. Москва: Эксмо. 304 с.
- Маркин В.В., Малышев М.Л., Ардальянова А.Ю. [и др.] (2020). Малые города в социально-пространственном дискурсе: теоретико-методологические подходы в их исследовании // Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики: монография / отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. С. 58–86. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=8653&ysclid=m4dsrc9k9s52346326> (дата обращения 07.12.2024).
- Ольденбург Р. (2014). Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. Москва: Новое литературное обозрение. 454 с.
- Орлова В.В. (2022). О терминологическом наполнении понятий «колумбайн», «скулшутинг» и «вооруженные нападения на учебные учреждения» // Теория и практика социогуманитарных наук. № 2 (18).
- Патокина Н.Н. (2024). Социальные факторы территориального развития в российском нормативно-правовом регулировании // Теория и практика общественного развития. № 3. С. 55–66.
- Плотников В.В., Самойлов С.Ф. (2021). Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке // Общество и право. Т. 76. № 2. С. 163–68.
- Плюснин Ю.М. (2022). Социальная структура провинциального общества. Москва: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники». 448 с.
- Соколов Е.С. (2020). Игры, которые нас убивают: видеоигры и насилие в дискурсе российской печатной прессы // Социология власти. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igry-kotorye-nas-ubivayut-videoigry-i-nasilie-v-diskurse-rossiyskoj-pechatnoj-pressy> (дата обращения 02.11.2023).
- Судьин С.А., Карасев П.К. (2023). Профилактика скулшутинга как управленческая задача: кейс Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. Т. 69. № 1. С. 88–93.
- Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. (2021). Терминальная деструкция через призму скулшутинга. Москва: ИНЭС. 132 с.
- Филиппов А.Ф. (2008). Социология пространства. Санкт-Петербург: Владимир Даль. 285 с.
- Шангин Н.В., Солдаткин А.Е., Теодорович М.Л., Патокина Н.Н. (2024). Социокультурные основания скулшутинга: очерк проблемного поля // Вестник экономики, права и социологии. № 1. С. 299–305.
- Park J.-H., Park Y.J., Cheong I. [et al.] (2024). *What Makes Deviant Places? IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*. DOI: 10.1109/tpami.2024.3393408
- Stark R. (1987). Deviant places: A theory of the ecology of crime. *Criminology*, 25 (4), 893–910.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Никита Владимирович Шангин – кандидат социологических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедры, Нижегородский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 46); доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23); e-mail: shangin-nv@ranepa.ru

Александр Евгеньевич Солдаткин – кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23; e-mail: as@fsn.unn.ru)

Михаил Леонидович Теодорович – доктор социологических наук, заведующий кафедрой, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23; e-mail: mt231@yandex.ru)

Наталья Николаевна Патокина – кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603022, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23; e-mail: natpatok@gmail.com)

Shangin N.V., Soldatkin A.E., Teodorovich M.L., Patokina N.N.

SPECIFICITY OF MANIFESTATION OF SOCIO-CULTURAL BASES OF DEVIANT BEHAVIOR IN THE SPACE OF A SMALL TOWN ON THE EXAMPLE OF SCHOOL SHOOTING

The article considers the phenomenon of socio-cultural bases of deviant behavior in the space of a small town in the context of their social perception. The focus of attention is on socio-cultural factors that have a restraining or reinforcing effect on the most negative deviant behavior – aggressive behavior. School shooting is studied as one of the most pronounced and dangerous phenomena. On the basis of the analysis of existing discourses, review of foreign and domestic literature, it is proposed to consider school shooting as a social problem characterized by socio-cultural and territorial conditionality. Prevention of school shooting as a generation of the socio-cultural environment of a particular local community is considered as a necessary condition for the preservation of the territory's resources and its development, the solution of the problem of human saving in all the diversity of its aspects. The socio-cultural bases of deviant behavior are studied in the context of the peculiarities of the functioning of the local community of a small town, including multilevel, rent, unequal access to resources and people's subjective perception of the territory as a whole, which can influence the nature of its development. The expediency of this approach is justified by the higher manifestation and significance of sociocultural factors in relation to the rootedness of people in the territory of origin. The article considers the possibility of preventing school shooting as a form of deviant behavior through transformations aimed at the maximum possible implementation of people's interests, increasing the satisfaction of all stakeholders with the situation in the territory. As a mechanism for implementing this approach, it is proposed to fine-tune existing and prospective national, federal and regional projects in the direction of changing the role of family and school

institutions in the prevention of deviant behavior and harmonizing them with local social and activity landscapes. The data of two questionnaire surveys conducted in September – December 2022 were used as the empirical base of the study. The aim of the study was to analyze social living conditions in the context of socio-cultural attitudes that may contribute to school shooting.

Deviant behavior, activity landscape, small town, territory development, social space, school shooting, sociocultural and settlement bases of school shooting, social and spatial environment of adolescents, social inequality.

REFERENCES

- Baeva L.V. (2019). The “Death Group” and “The Columbia Community” in online culture and real society. *Informatsionnoe obshchestvo*, 3, 33–42 (in Russian).
- Berardi F. (2016). *Novye geroi. Massovye ubiitsy i samoubiitsy* [Heroes: Mass Murder and Suicide]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Bourdieu P. (2007). Physical and social spaces. In: *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteiya (in Russian).
- Davydov D.G., Khlomov K.D. (2018). Massacres in educational institutions: Mechanisms, causes, prevention. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal=National Psychological Journal*, 4, 62–76 (in Russian).
- Filippov A.F. (2008). *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of Space]. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Giddens A. (2005). *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Gusev S.N. (2022). Determinants of the schoolshooting acts. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii*, 62(3). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-soversheniya-aktov-skulshutinga> (accessed: November 2, 2023; in Russian).
- Karpova A.Yu., Maksimova N.G. (2021). School shooting in Russia: What matters? *Vlast'*, 1, 93–108 (in Russian).
- Kulikova A.V., Mikhailova V.V., Klemyatich Yu.Yu., Teodorovich M.L. (2023). Features of employment in a single-industry town on the example of Pavlov, Nizhny Novgorod oblast. *Narodonaselenie= Population*, 26(2), 78–90 (in Russian).
- Langman P. (2022). *Pochemu deti ubivayut: chto proiskhodit v golove u shkol'nogo strelka* [Why Kids Kill: Inside the Minds of School Shooters]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
- Markin V.V., Malyshev M.L., Ardal'yanova A.Yu. et al. (2020). Small towns in socio-spatial discourse: Theoretical and methodological approaches in their study. In: *Prostranstvennoe razvitie malykh gorodov: sotsial'nye strategii i praktiki: monografiya* [Spatial Development of Small Towns: Social Strategies and Practices: Monograph]. Moscow: FNISTs RAN. Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=8653&ysclid=m4dsr c9k9s52346326> (accessed: December 7, 2024; in Russian).
- Oldenburg R. (2014). *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta “tusovok” kak fundament soobshchestva* [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons and Other Hangouts at the Heart of a Community]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Orlova V.V. (2022). About the terminological content of the concepts of “columbine”, “schoolshooting” and “armed attacks on educational institutions”. *Teoriya i praktika sotsiologicheskikh nauk*, 2(18) (in Russian).
- Park J.-H., Park Y.J., Cheong I. et al. (2024). *What Makes Deviant Places? IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*. DOI: 10.1109/tpami.2024.3393408
- Patokina N.N. (2024). Social factors of territorial development in Russian legal regulation. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*, 3, 55–66 (in Russian).
- Plotnikov V.V., Samoilov S.F. (2021). The problem of school shooting and columbine in Russian science. *Obshchestvo i pravo*, 76(2), 163–168 (in Russian).
- Plyusnin Yu.M. (2022). *Sotsial'naya struktura provintsial'nogo obshchestva* [Social Structure of Provincial Society]. Moscow: Common Place; Fond sotsial'nykh issledovaniy “Khamovniki”.
- Shangin N.V., Soldatkin A.E., Teodorovich M.L., Patokina N.N. (2024). The sociocultural foundations of skulshuting: Sketch of the problem field. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 1, 299–305 (in Russian).
- Sokolov E.S. (2020). Games that kill us: Video games and violence in the Russian printed media discourse. *Sotsiologiya vlasti*, 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/igry-kotorye-nas-ubivayut-videoigry-i-nasilie-v-diskurse-rossiyskoy-pechatnoy-pressy> (accessed: November 2, 2023; in Russian).

- Stark R. (1987). Deviant places: A theory of the ecology of crime. *Criminology*, 25(4), 893–910.
- Sudin S.A., Karasev P.K. (2023). Preventing school shooting as a governance challenge: The case of Nizhny Novgorod region. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Sotsial'nye nauki*, 69(1), 88–93 (in Russian).
- Sundiev I.Yu., Frolov A.B. (2021). *Terminal'naya destruktziya cherez prizmu skulshutinga* [Terminal Destruction through the Prism of School Shooting]. Moscow: INES.
- Zav'yalova N.Yu., Lunkashu Yu.V. (2021). School shooting as a moral and legal problem in Russian society. *Obshchestvo i pravo*, 77(3). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/skulshuting-kak-nravstvennaya-i-yuridicheskaya-problema-v-rossiyskom-obschestve> (accessed: June 28, 2024; in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikita V. Shangin – Candidate of Sciences (Sociology), acting head of department, Nizhny Novgorod Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46, Gagarin Street, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation); Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Street, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation); e-mail: shangin-nv@ranepa.ru

Aleksandr E. Soldatkin – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Street, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation); e-mail: as@fsn.unn.ru)

Mikhail L. Teodorovich – Doctor of Sciences (Sociology), head of department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Street, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation); e-mail: mt231@yandex.ru)

Natal'ya N. Patokina – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (23, Gagarin Street, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation); e-mail: natpatok@gmail.com)